КЪ ВОПРОСУ О „БЫКѢ“

ВЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ

ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Прив.-доц. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

ОДЕССА.
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1885.

BL
413

КЪ ВОПРОСУ О „БЫКѢ“

ВЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ

ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Прив.-доц. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

ОДЕССА.
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3-й.
1885.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

...ОТЕКА
...ТИЧЕСКОЙ
...ДЕМИИ.
3360
25

Къ вопросу о «быкѣ» въ религіозныхъ представленіяхъ древняго Востока.

Прив.-доц. Д. П. Овсянико-Куликовскаго.

I.

Въ ряду разнообразныхъ зооморфическихъ представленій, которыми такъ богаты религіи древняго Востока, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ образу *быка*. Концепцію бога-быка, мы найдемъ и въ Египтѣ, и въ Мессопотаміи, и въ Иранѣ, и въ Индіи. Намѣтимъ главнѣйшіе моменты этой столь широко-раскинувшейся религіозной идеи.

Однимъ изъ первыхъ и величайшихъ открытій въ Египтѣ было, какъ извѣстно, открытіе Серапеума, совершенное геніемъ Маріета-Паши. Это было святилище, гдѣ хоронились *священные быки*—Нарі, у грековъ—Аписы. Живымъ Аписамъ поклонялись въ особыхъ храмахъ—Апіеумахъ, мертвыхъ—хоронили въ Серапеумахъ. Культъ Аписа въ настоящее время достаточно извѣстенъ. О немъ даютъ намъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія классическіе писатели (Геродотъ, Страбонъ, Плиній, авторъ трактата de Iside et Osiride, приписываемаго Плутарху и др.), о немъ повѣствуютъ намъ и подлинные египетскіе памятники, на коихъ мы находимъ и самое изображеніе священнаго быка. Позволю себѣ заимствовать сжатый очеркъ культа Аписа у одного изъ крупнѣйшихъ представителей современной Египтологіи—Масперо.

«Быкъ Нарі въ концѣ концовъ сталъ въ глазахъ Египтянъ наиболѣе полнымъ выраженіемъ божества въ животной формѣ. Онъ происходитъ въ одно и тоже время и отъ Озириса и отъ Фта: его и называютъ «второй жизнью Фта» и «душою Озириса». Онъ не имѣлъ отца, но лучъ свѣта, явившись съ небесъ, оплодотворялъ телицу, которая его зачинала и послѣ того не могла ужъ имѣть другихъ дѣтенышей. Онъ долженъ былъ быть чернымъ, имѣть на лбу бѣлое треугольное пятно, на спинѣ—фигуру коршуна или орла съ распростертыми крыльями, на языкѣ — изображеніе жука; шерсть на хвостѣ была у него двойная... Онъ жилъ въ Мемфисѣ въ часовнѣ, примыкавшей къ великому храму Фта, и получалъ отъ своихъ жрецовъ божескія почести. Онъ изрекалъ оракулы частнымъ лицамъ, прибѣгавшимъ къ нему за совѣтомъ, и могъ преисполнить пророческимъ экстазомъ дѣтей, приближавшихся къ нему. Продолжительность его жизни не должна была превышать извѣстнаго числа лѣтъ, положеннаго религіозными законами: разъ ему минуло 25 лѣтъ,—жрецы его топили въ источникѣ, посвященномъ Солнцу. Этотъ законъ, имѣвшій силу въ римскую эпоху, не существовалъ еще или не былъ строго соблюдаемъ во времена Фараоновъ, ибо два Аписа, современники 22-й династіи, жили болѣе 26-ти лѣтъ. Умершій Аписъ становился Озирисомъ и получалъ имя Osar-Hapi, откуда греки произвели своего Сераписа» [1]).

Этотъ Культъ священнаго быка Египтянъ былъ, повидимому, популяренъ не только у туземцевъ, но и среди инородцевъ, жившихъ подъ рукою Фараоновъ. Извѣстно, что Евреи въ эпоху ихъ пребыванія въ Египтѣ заразились суевѣрнымъ чувствомъ къ этому таинственному сыну Солнца, и когда въ пустынѣ у подошвы Синая они томились въ нетерпѣливомъ ожиданіи Моисея, который на вершинѣ этой горы въ трепетѣ внималъ глаголамъ Yahveh, то воспоминаніе о священномъ быкѣ Египта воскресло въ больномъ воображеніи сыновъ Израиля, и они заставили Аарона отлить имъ тельца изъ колецъ и серегъ, принесенныхъ ихъ женами, дочерьми и сыновьями.

---

[1]) Histoire Ancienne des peuples de l'Orient par G. Maspero. 1875, стр. 49.

Это событіе, какъ извѣстно, разсказано въ XXXII главѣ Исхода.

Кто просматривалъ снимки Ассирійскихъ древностей,—помнитъ, конечно, крылатыхъ быковъ съ человѣческими лицами, откопанныхъ Боттá въ Хорсабадѣ, Лейардомъ въ Нимрудѣ и Куюнджикѣ. На ряду съ такими быками мы находимъ въ Ассиріи крылатыхъ львовъ съ человѣческими лицами, и повидимому оба типа имѣли аналогичное религіозно-миѳологическое происхожденіе. Профанъ въ Ассиріологіи, я не знаю, какія данныя имѣются въ клинообразныхъ текстахъ, по которымъ мы могли бы составить себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о религіозномъ значеніи этихъ странныхъ фигуръ. Повидимому, эти быки и львы имѣли какую то связь съ идеей царскаго достоинства: они были неизмѣннымъ украшеніемъ дворцовъ владыкъ Ассиріи и стояли по обѣимъ сторонамъ дверей или порталовъ. «Эмблемой Нина (миѳическаго родоначальника Ассирійскихъ царей), говоритъ Джоржъ Роулинсонъ, былъ Человѣкъ-Быкъ, олицетвореніе силы и могущества. Онъ сторожитъ дворцы Ассирійскихъ царей, которые признаютъ его своимъ богомъ-хранителемъ и его именемъ называютъ свою столицу»[1]). «Изъ числа младшихъ боговъ»—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ — «особеннымъ почетомъ у Ассирійцевъ, повидимому, пользовался Нергалъ. Это былъ божественный предокъ, отъ котораго монархи любили, хвастаясь, производить свой родъ.... Они его изображали въ видѣ крылатаго льва съ человѣческой головой... Нинъ и Нергалъ—боги войны и охоты, занятій, въ которыхъ Ассирійскіе монархи проводили свою жизнь—были божествами—покровителями рода, жизни и обители царей, которые соединяютъ ихъ вмѣстѣ въ своихъ надписяхъ и скульптурахъ»[2]).

Выслушаемъ также отзывъ знатока древняго искусства—Жоржа Перро. «Основная идея этихъ произведеній (крылатыхъ быковъ и львовъ) совершенно ясна. Искусство хотѣло соединить въ одномъ и томъ же существѣ самыя высокія силы природы и жизни. Быкъ, левъ и орелъ—это разные типы физической силы, которая не вездѣ сохраняетъ одинъ и тотъ же ха-

---

[1]) The five great Monarchies[3], т. I стр. 133. См. также ib. II, 20—22.

[2]) ib., II, 23—24.

рактеръ и далеко не одинаково обнаруживается. Терпѣливая и стойкая у быка, который тащитъ повозку и перевозитъ самыя тяжелыя вещи, она стремительна и необуздана у льва; между тѣмъ какъ у орла къ страшной силѣ клюва и когтей присоединяется молнеподобная быстрота полета. Наконецъ человѣкъ, который здѣсь изображенъ головою и лицомъ, есть сила интеллигентная, это разумная воля, предъ которой преклоняется и кому подчиняется все живое» [1]).

Крылатыхъ быковъ заимствовали у Ассирійцевъ вмѣстѣ съ прочими произведеніями искусства древніе персы, чему свидѣтелемъ скульпуры, сохранившіяся на развалинахъ Персеполиса.

Тамъ двѣ пары крылатыхъ быковъ сторожатъ два главныхъ входа въ великолѣпные чертоги царя царей, нынѣ лежащіе въ грандіозныхъ руинахъ. «Мощныя и величавыя—эти фигуры грозно выступаютъ, словно часовые — совершенно такъ какъ быки ассирійско-вавилонскихъ памятниковъ» — говоритъ извѣстный египтологъ Бругшъ, посѣтившій въ 1861 г. развалины Персеполиса.—... «Изъ могучихъ тѣлъ выросли крылья сфинкса, и, въ настоящее время, правда, сильно изувѣченное, человѣческое лицо, длиннобородое, длинноволосое, увѣнчанное странной короной изъ роговъ, заканчиваетъ колоссальную фигуру сфинкса, которая болѣе чѣмъ что-либо напоминаетъ объ ассиро-вавилонскомъ родствѣ» [2]).

Впрочемъ не менѣе отчетливо видно ассирійское происхожденіе и въ другомъ произведеніи персидскаго искусства—въ эмблемѣ Ормазда, почти совершенно сходной съ эмблемой Ассура. Та и другая представляетъ крылатый кругъ, внутри котораго изображенъ человѣкъ, стрѣляющій изъ лука или держащій лукъ (иногда и безъ лука)[3]). «Эту эмблему—говоритъ Дж. Роулинсонъ—толковали различно; но наиболѣе правдоподобнымъ предположеніемъ представляется то, что кругъ прообразуетъ вѣчность, крылья—вездѣсущіе, а человѣческая фигура—мудрость». (II, 4).

Велико было культурное вліяніе Мессопотаміи и на Ев-

---

[1]) Histoire de l'Art dans l'antiquité, II, 497.

[2]) Reise der K. Preussisch. Gesandtschaft nach Persien. II, стр. 150 и слѣд.

[3]) См. G. Rawlinson, The five great Monarchies[2], II, 4 и сл. и III, 351.

реевъ. Въ числѣ прочихъ заимствованій отъ Ассирійцевъ и Вавилонянъ мы находимъ у евреевъ и концепцію крылатыхъ быковъ—так. наз. Керубовъ. Слово כְּרוּב kĕrubh, множ. ч. כְּרוּבִים kĕrubhim обозначаетъ въ библейскихъ текстахъ «баснословное животное еврейской символики, коего фигуру представляли себѣ состоящею изъ человѣка, быка, льва и орла,—символовъ могущества и силы» (Гезеніусъ, Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, s. v.). Вопросу о еврейскихъ kerubhim Фр. Ленорманъ посвятилъ особую главу въ своей извѣстной книгѣ «Les origines de l'histoire» [1]), куда я и отсылаю читателя, который желалъ бы познакомиться съ данными, указывающими съ очевидностью на ассирійское или вавилонское происхожденіе крылатыхъ геніевъ Библіи.

Всѣ эти концепціи «быковъ» возводятся къ двумъ основнымъ типамъ: египетскому Нарі, который является, такъ сказать, въ натуральномъ видѣ и безъ постороннихъ примѣсей, и ассиро-вавилонскому генію-быку Shedi или Kirubu, который осложненъ человѣческой головой и крыльями и кромѣ того чередуется со львомъ. Теперь спрашивается: возможно-ли классифицировать оба типа вмѣстѣ? Возможно-ли утверждать, что въ основѣ обоихъ лежитъ одна и таже первоначальная идея? Возможно-ли наконецъ уловить эту идею, прослѣдить ея генезисъ и намѣтить тѣ стадіи развитія, черезъ которыя прошла она, прежде чѣмъ вылилась въ опредѣленныя формы культа Нарі и окаменѣла въ колоссальныхъ скульптурахъ Нимруда, Хорсабада и Куюнджика? Само собой разумѣется, задаваясь такими вопросами, слѣдуетъ обратиться къ египтологамъ и ассиріологамъ: имъ книги въ руки. Но съ другой стороны, я думаю, что какія бы драгоцѣнныя по данному вопросу указанія ни были извлечены изъ гіероглифовъ и клиньевъ, эти указанія едва-ли дадутъ окончательное рѣшеніе проблемы: тамъ, гдѣ данный культъ уже развился до послѣднихъ предѣловъ, тамъ гдѣ онъ окаменѣлъ и отлился въ прочныя традиціонныя формы и формулы, тамъ его исходная точка потеряна,—она забыта, заслоненная и стушеванная новыми наслоеніями. «Быку» молятся, въ «быка» вѣруютъ, ибо онъ уже не просто быкъ, но — богъ

[1]) Томъ I, глава III: «Les Kéroubîm et le glaive tournoyant (стр. 109 и сл. изд. 2-ое 1880 г.).

или геній, концепція мистическая, таинственная, необъяснимая. Она—эта концепція—стала предметомъ вѣры и культа, ибо потерянъ ключъ ея генезиса, ибо забыто ея происхожденіе изъ болѣе примитивныхъ религіозно-миѳологическихъ представленій, изъ какого нибудь эпитета, изъ какой-либо клички. Быть можетъ, нѣкогда она была простымъ прилагательнымъ, которымъ характерно оттѣнялись качества или функція извѣстнаго божества или извѣстной силы... Съ теченіемъ времени это прилагательное вытѣсняло то существительное, къ которому оно относилось, и изъ аттрибута становилось объектомъ. Прошли вѣка, и эпитетъ получилъ самостоятельное бытье, превратился въ особое существо, стало предметомъ культа. Загадочное созданіе таинственной психіи человѣка, отнынѣ онъ уже божество, ему воздвигнутъ храмы и усыпальницы, сонмы жрецовъ будутъ ему прислуживать, торжественные гимны будутъ пѣть ему, и его образъ увѣковѣчитъ рѣзецъ художника...

Но то, чего ужь не помнятъ народы, создавшіе обширную и сложную цивилизацію, найдется въ своемъ первоначальномъ видѣ подъ другимъ небомъ, у другихъ народовъ, стоящихъ на болѣе низкомъ уровнѣ культурнаго развитія. Вѣрованіе народа цивилизованнаго отыщется у «дикарей» въ видѣ простаго эпитета.

Есть такое небо, такая страна и народъ, гдѣ наука давно уже ищетъ и отыскиваетъ примитивныя формы вѣрованій и идей, являющихся у другихъ народовъ въ законченномъ и крайне сложномъ видѣ. Это — Индія или точнѣе долина Пенджаба,—въ древности страна «семи рѣкъ»: тамъ ясно и понятно многое, что́ замысловато и непонятно у другихъ народовъ, тамъ находятъ потерянные ключи религіозно-культурныхъ и миѳологическихъ проблемъ. Правда, въ послѣдніе годы установилось нѣсколько иное воззрѣніе на древнюю культуру Семирѣчья, на такъ наз. Эпоху Вѣдъ: эта культура — такъ думаютъ нынѣ — далеко не была столь примитивна и простодушна, какъ полагали прежде. Поэзія Вѣдъ уже достаточно сложна и переполнена замысловатыми формулами; она изобилуетъ риторикой, въ ней много мистики и разныхъ «кунстъ-штюковъ». Раздѣляя этотъ взглядъ въ общемъ, я думаю однако-же, что какъ-бы ни была уже «сложна» эта культура Вѣдъ, она въ сравненіи съ цивилизаціей Египта и Мессопотаміи является весьма и весьма

примитивной, и что поэтому мы всегда можемъ надѣяться найти у Арійцевъ Семирѣчья въ болѣе простой и примитивной формѣ сложныя и развитыя идеи древности. Наконецъ, самое-то «осложненіе» примитивныхъ идей, находимое нынѣ въ Вѣдахъ, носитъ здѣсь свой особый характеръ, позволяющій съ большей или меньшей ясностью читать его далеко не хитрую исторію, между тѣмъ какъ скульптуры ассирійскихъ керубовъ говорятъ намъ только о томъ, какъ понимали ихъ владыки, ихъ заказывавшіе, и художники, ихъ исполнявшіе, но эти крылатые геніи не дадутъ вамъ отвѣта на вопросъ о *генезисѣ* идей, которыхъ окаменѣлой формой являются они.

Я стою на томъ, что въ Индіи, въ культурѣ Семирѣчья, въ Вѣдахъ и спеціально въ Ригъ-Вѣдѣ должно, по прежнему, искать потерянныхъ ключей великихъ религіозно-культурныхъ и миѳологическихъ проблемъ, — и притомъ не только по отношенію къ народамъ индоевропейскимъ, но и по отношенію къ великимъ цивилизаціямъ Египтянъ и Семитовъ, ибо законы и основные процессы психическаго развитія у всѣхъ народовъ одинаковы. Съ тѣмъ вмѣстѣ на ряду съ вопросами доисторическаго родства и историческаго заимствованія выдвигается вопросъ объ *аналогіи* въ психо-культурномъ развитіи великихъ расъ древности.

II.

Ключа къ концепціи бога-быка нужно искать въ Индіи въ древнѣйшую эпоху ея цивилизаціи, у Арійцевъ Семирѣчья, въ гимнахъ Ригъ-Вѣды.

Почти всѣ мужскія божества Ригъ-Вѣды характеризуются эпитетами, выражающими понятіе *самца* вообще и *быка* въ особенности. Таковы эпитеты *vṛshan*, *vṛshabha*, *ukshan*, которыми чуть-ли не на каждомъ шагу характеризуются Индра, божество грозы и солнца, Агни, божество огня, Сома, богъ опьяняющаго напитка, Рудра, владыка вѣтровъ и др.

Посмотримъ, какіе оттѣнки значенія соединяются съ этими и подобными эпитетами.

Во-первыхъ, ими характеризуются божества *мужескія* въ противуположность *женскимъ*. Въ этомъ смыслѣ любое божество мужескаго пола можетъ быть названо *vrshan* или *vrshabha*, при чемъ съ этими терминами иногда могли и не соединяться другія значенія, или оттѣнки значенія. Весьма возможно, что тотъ или другой поэтъ называлъ напр. Индру или Агни vrshan, не отдавая себѣ отчета, почему онъ такъ величаетъ ихъ. Чрезмѣрно-частое повтореніе этихъ терминовъ заставляетъ думать, что ихъ употребляли нерѣдко именно въ такомъ общемъ и неопредѣленномъ значеніи — просто для оттѣненія мужской природы даннаго божества. Оттуда проистекаетъ неизвѣстность, какъ именно въ томъ или другомъ случаѣ слѣдуетъ передать такой терминъ: словомъ-ли «самецъ», или «быкъ» или «герой»?

Тѣснѣе и, стало быть, опредѣленнѣе является значеніе разсматриваемыхъ терминовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вставлены для характеристики извѣстныхъ божествъ въ качествѣ представителей «оплодотворяющаго», «творческаго» начала въ природѣ.

Въ такихъ случаяхъ къ терминамъ vṛshan, vṛshabha и проч. иногда присоединяются пояснительные эпитеты retodhā—«кладущій сѣмя», sahasraretas — имѣющій тѣсячу сѣмёнъ (зародышей) и нѣкоторые др. Такъ въ мистическомъ стихѣ III, 56, 3 говорится о нѣкоемъ верховномъ быкѣ или самцѣ (vṛshabha), имѣющемъ три брюха (или три силы, какъ переводитъ Людвигъ), три вымени и три лица; онъ названъ purudhā prajāvān, т. е. «многократно производящимъ потомство» и redothā vṛshabhaḥ çaçvatināṁ — «быкомъ-оплодотворителемъ *всѣхъ* (въ жен. род., стало быть, всѣхъ существъ женскаго пола). Мощный и многообразный,—принимающій всевозможныя формы,—онъ владычествуетъ надъ міромъ... Этотъ верховный Быкъ-Оплодотворитель не пріуроченъ (*повидимому*) ни къ какому изъ божествъ Ригъ-Вѣды. Я говорю «повидимому», ибо такая непріуроченность можетъ быть только кажущейся: божество, которое имѣлъ въ виду поэтъ, осталось неназваннымъ. Можетъ быть это—Савитаръ, упоминающійся въ томъ-же гимнѣ; быть можетъ, это—Сома, божество экстаза, опьяненія, поэзіи и мудрости, весьма часто изображаемое въ видѣ верховнаго самца или быка. Этой сторонѣ концепціи Сомы посвящена III-я глава моего опыта о вакхическихъ культахъ, — я не буду здѣсь повторять собранныхъ тамъ данныхъ и только укажу на относящіяся сюда мѣста Ригъ-Вѣды: IX, 15, 4; 64, 1, 2; 19, 4; 85, 10 и пр. Замѣчу также, что, по моему мнѣнію, концепція Сомы—самца-быка есть важнѣйшая изъ аналогичныхъ концепцій Ригъ-Вѣды, въ коихъ понятіе «быка-самца» возводится къ представленію оплодотворяющаго начала въ природѣ [1]). Сюда принадлежитъ также и концепція Савитара—солнца-оплодотворителя, но мы не будемъ надъ нею останавливаться, потому что въ гимнахъ, посвященныхъ этому божеству, не встрѣчаются занимающіе насъ эпитеты vṛshan, vṛshabha и пр. въ примѣненіи къ оному.

Это употребленіе разсматриваемыхъ терминовъ—для обозначенія *мужскихъ* божествъ и для характеристики ихъ какъ представителей оплодотворяющаго начала является лишь пер-

[1]) Къ концепціи Сомы—самца примыкаютъ таковые-же образы Сарасванта, Пушана, Bṛhaspati, Тваштара, о чемъ см. въ моемъ «Опытѣ» стр. 147, 211, 215, 225.

вымъ отдѣломъ въ развитіи культурныхъ и религіозно-миѳологическихъ идей, связывающихся съ этими терминами.

Дальнѣйшее развитіе этихъ идей привело къ осложненію основныхъ понятій vṛshan и пр. новыми оттѣнками значенія, изъ коихъ стали вырабатываться и новыя понятія. Въ представленіи быка-самца были выдвинуты на первый планъ представленія *силы*, *мощи*, *могущественности*, *стремительности*, *буйства* и т. п., наконецъ *верховенства надъ стадомъ*, *владычества* и пр., и путемъ постепеннаго накопленія такихъ чертъ изъ основнаго понятія «быкъ-самецъ» развилось наконецъ понятіе *богатыря*, *героя*, *владыки*, *князя*. Какъ на переходную ступень, можно указать на тѣ многочисленныя мѣста гимновъ, гдѣ къ терминамъ vṛshan, vṛshabha и пр., (часто взятымъ въ значеніяхъ быкъ, самецъ, оплодотворитель) присоединяются эпитеты въ родѣ bhīmas—страшный, ужасный (I, 140, 6), çṛṅge çiçāna — изощряющій рога (готовясь къ битвѣ; IX, 5, 2, ср. IX, 15, 4), sahasraçṛṅga—тысячерогій (V, 1, 8) и т. п. Вообще образъ самца-быка сплошь и рядомъ брали въ его, такъ сказать, боевой постановкѣ, откуда—одинъ шагъ къ понятію героя и военачальника. Такое употребленіе терминовъ vṛshan и vṛshabha мы находимъ чаще всего въ гимнахъ Индрѣ и Агни, причемъ однако не всегда можно сказать съ точностью, слѣдуетъ-ли переводить vṛshan напр. прямо словомъ *герой* или *вождь* или передавать обычными терминами *быкъ-самецъ*, но только мыслить этотъ образъ въ его боевой постановкѣ, понимая его въ переносномъ смыслѣ. Но вотъ одно мѣсто, гдѣ слово vṛshan несомнѣнно значитъ герой: X, 103, 2 (вторая половина): tad indreṇa jayata tat sahadhvam yudho nara ishuhastena vṛshṇā —посему побѣждайте, о мужи, съ Индрою, посему одолѣвайте въ сраженіяхъ *быкомъ* (vṛshan), *держащимъ въ рукѣ лукъ*». Очевидно, здѣсь vṛshan—уже не быкъ, а просто «герой». Отъ «героя» недалеко и до «владыки», и вотъ мы находимъ мѣста, гдѣ термины vṛshan, vṛshabha прямо употреблены въ значеніяхъ *повелитель*, *владыка*, *князь*, *патронъ*. Стихъ VII, 5, 2 величаетъ Агни «netā sindhūnāṃ vṛshabha stiyānām» — «вождемъ рѣкъ, *самцомъ (быкомъ)* стоячихъ водъ». Очевидно, здѣсь слово vṛshabha (самецъ-быкъ) значитъ то же, что и *netar* —вождь, «патронъ». Такое-же выраженіе, но уже безъ слова *netar*, отнесено къ Индрѣ

въ стихѣ VI, 44, 21, котораго первая половина гласитъ такъ: vṛshāsi divo vṛshabhaḥ pṛthivyā vṛshā sindhūnām vṛshabha stiyānām—ты—*самецъ* (*быкъ*) неба, *самецъ* (*быкъ*) земли, *самецъ* (*быкъ*) рѣкъ, *самецъ* (*быкъ*) стоячихъ водъ. Терминъ *netar* въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ стиха VII, 5, 2 даетъ намъ право въ стихѣ VI, 44, 21 разсматривать термины vṛshan и vṛshabha какъ синонимы слова *netar* и переводить: «вождь неба, владыка земли, патронъ рѣкъ» и пр.

Еще яснѣе выступаетъ такое значеніе разсматриваемыхъ терминовъ въ слѣд. мѣстахъ. Стихъ I, 177, 1 характеризуетъ Индру двумя параллельными и рядомъ стоящими выраженіями: *vṛshabho janānām*—самецъ (быкъ) людей и *rājā kṛshṭīnām*—князь людей, откуда видно, что терминъ vṛshabho=rājā, т. е. слово vṛshabha (самецъ, быкъ) взято въ смыслѣ *князь*. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о выраженіи vṛshabha kshitīnām—«самецъ» племенъ—въ стихѣ 3-мъ того-же гимна, а равно и о выраженіи vṛshā janānām—самецъ людей стиха VIII, 15, 10 [1]).

Приведенныя мѣста изъ гимновъ Ригъ-Вѣды показываютъ намъ, стало быть, что термины vṛshan и vṛshabha, выражавшіе понятія самца вообще и быка въ особенности, въ тоже время употреблялись и для обозначенія *вождя*, *владыки*, *патрона*. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ этомъ употребленіи разсматриваемые термины не утрачивали и своего первоначальнаго значенія: когда авторы гимновъ величали напр. Индру или Агни vṛshā janānām—владыкою людей, то они не забывали, что слово vṛshā въ сущности значитъ не владыка, а быкъ—самецъ, и это послѣднее представленіе, такъ сказать, просвѣчивало изъ-подъ новаго семазіологическаго наслоенія. Кромѣ основнаго значенія, просвѣчивало также и переходное понятіе—*герой*, *богатырь*, такъ что, говоря vṛsha janānām, мыслили и быка-самца, и героя, и владыку,—въ силу чего подобныя выраженія въ сущности непереводимы. Семазіологическое движеніе, выражавшееся въ переходѣ понятія самца-быка къ понятіямъ героя и владыки, не было въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ терминамъ vṛshan, vṛshabha, доведено

[1]) Ср. также kṛshṭīnām vṛshabham въ ст. VII, 26, 5 и vṛshabha kshitīnām въ ст. VI, 32, 4, гдѣ, впрочемъ, слово kshitīnām можетъ относиться и къ слѣдующему suvitāya.

до конца,—значенія «герой», «владыка» и пр. не были закрѣплены за ними, ихъ первоначальныя значенія не были забыты, и выраженія vṛshā janānām, vṛshabhaḥ kṛshṭīnām употреблялись лишь какъ выраженія метафорическія. Такою же метафорою является и любопытное выраженіе стиха VII, 6, 1 puṅsaḥ kṛshṭīnām въ значеніи «владыки (р. п.) людей», гдѣ понятіе владыки обозначено словомъ pumān (тема puṅs и puman) — самецъ, мужчина.

Семазіологическое движеніе, не доведенное до конца по отношенію къ терминамъ vṛshan, vṛshabha, puman, является завершеннымъ въ греческомъ словѣ κύριος — господинъ, владыка. Въ немъ не видать слѣдовъ другихъ болѣе древнихъ значеній, но эти послѣднія мы найдемъ въ употребленіи санскритскаго термина çūra, который въ корнѣ тождественъ съ греческимъ κύριος. Санскритское çūra значитъ *герой*, *богатырь*: оно еще не дошло до понятія владыки; но за то оно сохранило остатки древнѣйшаго значенія — «самецъ» или «быкъ». — На стр. 131 моего «Опыта» указаны два мѣста—IX, 16, 6 [1]) и IX, 87, 7—, гдѣ мы находимъ отголосокъ этого древнѣйшаго значенія çūra, при чемъ въ первомъ оно, по моему мнѣнію, прямо значитъ *быкъ*, а во второмъ только сопоставляется съ понятіемъ «животнаго самца». Тамъ-же я высказалъ мысль, что греческое κύριος связывается (семазіологически) скорѣе съ çūra—самецъ, чѣмъ съ çūra—герой. Это не точно: всѣ три понятія одинаково тѣсно связываются между собою, и «герой» является переходнымъ терминомъ отъ «самца-быка» къ «господину-владыкѣ» [2]).

Чтобы иллюстрировать переходъ отъ представленія «самца-быка» къ представленію «богатыря» приведу слѣдующіе стихи:

---

[1]) Я не могу согласиться съ переводомъ Людвига «... steht er wie ein held bei den rindern (im kampfe), ибо 1) здѣсь изображается процедура изготовленія напитка и дѣло идетъ именно о соединеніи Сомы съ молокомъ, что́ *метафорически* изображается какъ соединеніе быка съ коровою, и 2) выраженіе этого стиха едва ли можетъ быть отдѣлимо отъ аналогичнаго выраженія стиха IX, 12, 3, о чемъ см. стр. 131 моего «Опыта».

[2]) Къ вопросу о связи понятій «самецъ» и «герой, богатырь»—сравни De Iside et Oziride: τοῖς δὲ μαχίμοις κάνθαρος ἦν γλυφὴ σφραγίδος· οὐ γάδ ἐστι κάνθαρος θῆλυς, ἀλλὰ πάντες ἄρσενες — » а у военныхъ (въ Египтѣ) «жукъ» былъ насѣчкою на кинжалѣ: ибо жукъ не бываетъ женскаго пола, но всѣ (жуки)—самцы. Вспомнимъ о «фигурѣ жука» (κάνθαρος) на языкѣ быка—Аписа.

VIII, 15, 4: taṃ te madaṃ gṛṇīmasi vṛshaṇaṃ pṛtsu sāsahim... «мы воспѣваемъ это опьяненіе твое, свойственное быку, одолѣвающее въ битвахъ...». Поэтъ прославляетъ мощь и боевой экстазъ Индры, характеризуя этотъ экстазъ или это опьяненіе эпитетомъ vṛshan, который взятъ здѣсь какъ прилагательное. Въ основѣ образа лежитъ представленіе объ экстазѣ быка, взятаго въ моментъ битвы.

Стихъ 2-й того-же гимна утверждаетъ, что великая мощь Индры держитъ два міра (т. е. небо и землю), горы, долины, солнце *vṛshatvanā*. Послѣднее слово стоитъ въ орудномъ падежѣ и отвѣчаетъ на вопросъ: чѣмъ или благодаря чему сила Индры держитъ два міра, горы и пр.? Оно произведено посредствомъ суффиксовъ *tva* и *nā* отъ темы vṛshan и обозначаетъ «качество, свойства, силу и пр. самца-быка». По русски выраженіе это не переводимо [1]).

Любопытенъ также стихъ V, 36, 5 гласящій: vṛshā tvā vṛshaṇaṃ vardhatu dyaur vṛshā vṛshabhyām vahase haribhyām |sa no vṛshā vṛsharathaḥ suçipra vṛshakrato vṛshā vajrin bhare dhāḥ— «тебя, быка, да укрѣпитъ быкъ-небо; быкъ, ты ѣдешь на двухъ гнѣдыхъ коняхъ-быкахъ [2]); быкъ, имѣющій колесницу быка, о прекрасно-ланитый, надѣленный мощью быка, перунодержецъ, быкъ, веди насъ на битву». Какъ видно изъ этого стиха (далеко не единственнаго въ своемъ родѣ), поэты Ригъ-Вѣды любили повторять слово vṛshan на каждомъ шагу, относя его и данному божеству, и къ его конямъ, и къ его колесницѣ, и наконецъ къ его качествамъ. Передать въ переводѣ всѣ оттѣнки значенія, принимаемые словомъ vṛshan въ этихъ, столь различныхъ, его примѣненіяхъ, нѣтъ никакой возможности. Но можно понять и объяснить себѣ такой стиль, вникнувъ въ понятія той отдаленной эпохи, когда слово «быкъ» было почетнымъ титуломъ боговъ, а «корова»—нѣжнымъ, ласкательнымъ прозвищемъ богинь.

Разсматриваемый здѣсь переходъ значеній «быкъ—герой» лежитъ, вѣроятно, въ основѣ персидскаго слова gav — герой, которое этимологически едвали можетъ быть отдѣлено отъ

---

[1]) У Людвига: durch stiereskraft.

[2]) Или «на двухъ гнѣдыхъ жеребцахъ», такъ какъ vṛshan можетъ обозначать и другихъ животныхъ самцовъ, кромѣ быка.

персидскаго gāv—корова, быкъ, авест. gāo, скр. gau-s—корова, быкъ. Равнымъ образомъ къ разсматриваемому порядку идей слѣдуетъ, какъ я думаю, отнести и персидскую легенду о чудесной палицѣ Фредуна и другихъ героевъ Ирана: эта палица носила на себѣ изображеніе коровьей (бычачьей) головы и называлась *gāv-sār* (представляющая голову коровы или быка), *gāv-rūy* (rūy — лицо), *gāv-cihr* (cihr — лицо), *gāv-paykar* (paykar—изображеніе).

Сгруппированные здѣсь факты, т. е. употребленіе термина *быкъ* какъ излюбленнаго эпитета боговъ и въ особенности примѣненіе его къ обозначенію понятій *героя* и *владыки, князя* должны, мнѣ кажется, бросить нѣкоторый свѣтъ на *ассирійскихъ геніевъ-быковъ* — этихъ *стражниковъ и покровителей властелиновъ Ашура*.

Утверждая такъ, я не имѣю въ виду какихъ либо заимствованій или вліяній,—я имѣю въ виду *исключительно аналогію* въ развитіи у разныхъ народовъ разсматриваемыхъ нами религіозно-культурныхъ представленій. Различные народы, совершенно независимо другъ отъ друга, называли своихъ боговъ *быками*, а богинь—*коровами*, приписывали имъ соотвѣтствующіе такимъ эпитетамъ аттрибуты и отъ представленія быка-самца переходили къ представленію богатыря, героя, наконецъ—владыки, господина, князя. Въ связи съ этими звѣньями данной семазіологической цѣпи находилось и понятіе *супруга, владыки, родоначальника*, примыкая съ одной стороны къ представленію самца, съ другой—къ представленію *владыки*.

Что такіе переходы значеній имѣли мѣсто не только у Индоевропейцевъ, но и у семитовъ, это видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ языка древнееврейскаго. Такъ древнееврейское слово אֶלֶף ’elef—быкъ, какъ извѣстно, значитъ также *семья* или *подраздѣленіе племени* (напр. Iudicum, VI, 15). Другая форма того-же слова אַלּוּף ’aluf употребляется, какъ существительное, въ значеніяхъ 1) баранъ, 2) быкъ, 3) глава рода или колѣна (φύλαρχος), 4) другъ; какъ прилагательное оно значитъ *привычный* или ручной. Оба слова стоятъ въ связи съ глаголомъ אָלַף ’âlaf, основнымъ значеніемъ котораго было, повидимому, понятіе *соединенія, сообщества, общенія*. Отсюда развились разнообразныя значенія и оттѣнки, какъ самого глагола *’âlaf*, такъ

и словъ *'elef* (напр. значеніе «тысяча») и *'aluf*. Очевидно, *быкъ* концепированъ здѣсь какъ животное стадное и какъ предводитель, владыка стада.—Другое слово עֶגֶל *ghegel*—молодой быкъ—употреблено въ псалмѣ 68-мъ, стихъ 31-ый, совершенно такъ, какъ въ Ригѣ-Вѣдѣ употребляются вышеприведенныя выраженія vṛsha janānām, vṛshabhaḥ kṛshṭīnām,— עַגְלֵי עַמִּים gheglē ghammim вожди, владыки народовъ,—буквально: «(молодые) быки народовъ». Это самое слово ghegel въ XXXII-й главѣ Исхода обозначаетъ того вылитаго изъ золота тельца (עֵגֶל מַסֵּכָה), который былъ сдѣланъ Ааономъ во время отсутствія Моисея и долженствовалъ служить божествомъ—руководителемъ и владыкой Израиля.

Любопытно также въ отношеніи къ разсматриваемымъ идеямъ слово קֶרֶן qĕrĕn — рогъ, употребляющееся въ Библіи часто какъ символъ могущества и силы, — «съ большимъ или меньшимъ сохраненіемъ образа, взятаго отъ быка» (Gesenius, Wörterb. s. v.). Гезеніусъ въ числѣ прочихъ примѣровъ такого употребленія даннаго слова приводитъ выраженіе изъ книги пророка Амоса (6, 13): לָקַחְנוּ לָנוּ קַרְנַיִם lāqachnu lānu qarnaim —мы пріобрѣли себѣ роги—въ значеніи «стали сильными»—и сопоставляетъ съ нимъ такой же оборотъ у Горація: et addis cornua pauperi.—Фраза псалма 132-го, ст. 17: שָׁם אַצְמִיחַ קֶרֶן לְדָוִד עָרַכְתִּי נֵר לִמְשִׁיחִי — «тамъ взращу рогъ Давиду, дамъ сіяніе помазаннику моему» любопытна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ выраженіемъ «вырастить рогъ» вмѣсто «сдѣлать сильнымъ, могучимъ, богатыремъ» и во-вторыхъ—сопоставленіемъ *свѣта* (*сіянія*) съ этимъ рогомъ—символомъ мощи. Это сопоставленіе заставляетъ насъ вспомнить стихъ 29-ый XXXIV-ой главы Исхода, гдѣ говорится, что, когда Моисей сходилъ съ горы Синая, то лицо его «*свѣтилось*»: дѣло въ томъ, что въ этомъ мѣстѣ (а равно и въ ст. 30 и 35 той-же главы) глаголъ, который переводятъ «свѣтилось», есть קָרַן qāran — этимологически тожественный извѣстному уже намъ слову קֶרֶן qĕrĕn — рогъ и, судя по этимологіи, долженствовавшій выражать понятіе «быть рогатымъ», «имѣть роги». Такъ и переводитъ его Вульгата, такое же значеніе имѣетъ онъ въ формѣ Hiphil (прич. מַקְרִן maqrin) въ ст. 32-мъ псалма 69-го. Такъ, очевидно, понимали глаголъ

qāran въ указанныхъ мѣстахъ Исхода, вслѣдъ за Вульгатою, и тѣ позднѣйшіе художники, которые ввели въ обычай изображать Моисея съ двумя свѣтящимися рогами на головѣ. Теперь спрашивается: какъ выйти изъ этихъ противурѣчивыхъ толкованій глагола qāran? Оба опираются на солидные авторитеты. Мнѣ кажется, что оба значенія могутъ быть соединены вмѣстѣ: это были *рога*, но рога *свѣтящіеся*, *лучистые*, — это было сіяніе, имѣвшее лишь форму роговъ. Моя гипотеза получитъ дальнѣйшее развитіе въ особомъ этюдѣ, который я думаю посвятить вопросу о «царственномъ сіяніи» Иранскихъ властелиновъ, —называемомъ въ Авестѣ *kavaēt hwarnō* (новоперсидское *farr*). Это «сіяніе» стоитъ, какъ мнѣ кажется, въ связи съ конконцепціей *быка*, символа власти и могущества, и притомъ — быка свѣтлаго,—поставленнаго въ связь съ культомъ солнца [1]).

---

[1]) Указаніе на «быка», какъ на символъ власти у Семитовъ, мы находимъ у Санхоніатона: Ἡ δὲ Ἀστάρτη ἐπέθηκε τῇ ἰδίᾳ κεφαλῇ βασιλείας παράσημον κεφαλὴν ταύρου—«Астарта же возложила на свою голову символъ власти — голову быка». На это мѣсто указываетъ Гезеніусъ, объясняя названіе города עַשְׁתָּרוֹת קַרְנַיִם «Рогатыя Астарты»—(Gesenius, Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. s. v.).

Академія

III.

Перехожу къ вѣдаической концепціи *свѣтлаго, сіяющаго, солнечнаго* быка.

Ассоціація представленій *быка* и *свѣта*—на первый взглядъ —обусловливалась тѣмъ фактомъ, что тѣ божества, постоянными эпитетами которыхъ были термины, обозначающіе быка, какъ vṛshan, vṛshabha и др., были по преимуществу божества *свѣтлыя*; свѣтъ, сіяніе, блескъ, лучезарность являются ихъ неизмѣнными аттрибутами. Таковы въ особенности Индра — богъ *солнца* и *молніи*, Агни — богъ огня, и Сома — божество не только опьяняющаго напитка, но также и *солнца*, а позже— *луны*. Разъ эти свѣтлыя божества называются быками, то естественно эти быки представлялись свѣтлыми, лучезарными. Такъ въ стихѣ IX, 64, 1 Сома названъ vṛshā dyumān — свѣтлымъ быкомъ; въ стихѣ IX, 65, 4 говорится: «ты (Сома)—быкъ сіяніемъ, мы взываемъ къ тебѣ свѣтлому...» Здѣсь *сіяніе* разсматривается какъ та черта, благодаря которой Сома и является быкомъ. Въ стихѣ VI, 48, 6 Агни названъ arushó vṛshā—свѣтлымъ быкомъ, въ стихѣ VII, 10, 1 о немъ же говорится: «быкъ свѣтлый, сіяющій сіяетъ...». Въ ст. VI, 3, 7 онъ же названъ vṛshā rukshaḥ—свѣтлымъ быкомъ; подобные-же эпитеты отнесены къ нему и въ стихахъ III, 7, 5 (vṛshṇo arushasya) и 9 (vṛshṇe citrāya).

Вообще боги-быки очень часто характеризуются въ качествѣ свѣтлыхъ, и на такую характеристику нельзя смотрѣть какъ на случайную и чисто внѣшнюю.

Не случайно называются Индра, Агни, Сома свѣтлыми самцами, лучезарными, сіяющими быками. Ассоціація «быкъ—свѣтъ», «самецъ — сіяніе» отнюдь не является, такъ сказать,

механической; скорѣе можно назвать ее органическою. Она образовалась по законамъ психологической необходимости,—и вотъ тѣ данныя, которыя позволяютъ намъ прослѣдить ея исторію довольно далеко въ глубь древнѣйшихъ залежей языка и миѳа.

Мы знаемъ, что Индра, Агни, Сома и др. божества называются быками въ качествѣ представителей оплодотворяющаго начала, въ качествѣ героевъ и наконецъ владыкъ. Совершенно въ pendant въ этому мы находимъ представленіе *свѣта* ассоціирующимся 1) съ понятіемъ *оплодотворяющаго начала*, 2) съ понятіемъ *силы, могущества, богатырства* и 3) наконецъ съ понятіемъ *господства, владычества*.

Въ основѣ ассоціаціи «свѣта» и «оплодотворяющаго начала», лежитъ, конечно, воззрѣніе на солнце, какъ на верховнаго оплодотворителя природы; сюда относится также и представленіе неба, — собственно *свѣтлаго* неба (Dyaus), какъ супруга—оплодотворителя земли. Въ ряду боговъ-оплодотворителей видное мѣсто принадлежитъ Савитару. Это — божество солнца, это—само солнце, взятое со стороны его оплодотворяющей функціи, и самое имя его—Savitar— значитъ самецъ, оплодотворитель. Оплодотворяющая, живительная, зиждительная сила сосредоточена въ его горячихъ лучахъ, которые онъ посылаетъ на землю съ высоты небесъ, гдѣ онъ торжественно ѣдетъ на своей лучезарной колесницѣ. Не только лучи и свѣтъ Савитара, но и лучи (свѣтъ) другихъ солнечныхъ боговъ таятъ въ себѣ эту оплодотворяющую силу. Такъ, въ стихѣ II, 16, 4 лучъ (или свѣтъ) Индры охарактеризованъ эпитетомъ vṛshabha, коего основное значеніе есть понятіе самца, оплодотворителя. Любопытно, что здѣсь Индра приглашается пить Сому своимъ лучемъ-оплодотворителемъ. Чудесный напитокъ Сомы разсматривался какъ оплодотворяющая эссенція, сокрытая и въ капляхъ дождя и въ лучахъ солнца, и вотъ почему Индра, концепированный какъ божество солнца, долженъ воспринять своими лучами эту влагу Сомы, послѣ чего его, Индры, лучи получаютъ всю полноту оплодотворительной силы. Но и самъ Сома, въ качествѣ солнца, носитъ въ своихъ лучахъ оплодотворяющую эссенцію своей же Амброзіи, — его лучи такъ-же живительны, какъ и лучи Индры и Савитара, и вотъ почему въ цитированномъ уже стихѣ IX, 65, 4 онъ названъ vṛshā bhānunā—самецъ сіяніемъ (или лучемъ).

Къ этой ассоціаціи «свѣта» и «оплодотворенія» присоединяется далѣе понятіе *силы*, *мощи*, *могущества*, обнаруживающееся напр. въ семазіологическомъ движеніи терминовъ *pājas* (свѣтъ, лучъ; сила, мощь), *dyumna* (1, блескъ, 2, сила), *çushma* (прл. сильный, сущ. 1, сила, 2, пламя...) и др. Дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи приводитъ къ понятію *владычества*, и вотъ мы находимъ глаголы *raj* и *rāj* въ двухъ значеніяхъ 1) сіять, свѣтить и т. п. и 2) управлять, господствовать (лат. regere). Оттуда и существ. rājan—владыка, князь (сравни лат. rex, regis,—отъ того-же корня, но безъ суффикса).

Эта концепція «свѣтлаго быка», мнѣ кажется, можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на Аписа, рождающагося отъ небеснаго свѣта и являющагося представителемъ «свѣтлыхъ» божествъ Озириса и Фта.

IV.

Теперь перейдемъ къ древнимъ Иранцамъ.

Въ Авестѣ мы находимъ указанія на какого-то «первозданнаго быка» — *gaush aêvôdâtô*. Онъ упоминается вмѣстѣ съ «первымъ человѣкомъ» (gayô maretan) напр. Yaçna, гл. 14, ст. 18; гл. 67, ст. 63; Vispered гл. 24, ст. 3 и др. Воззваніе къ нему мы читаемъ въ началѣ 21-ой главы Вендидада. Душѣ этого быка посвященъ Яштъ 6-й. Свѣдѣнія, сообщаемыя во всѣхъ этихъ мѣстахъ Авесты, крайне скудны, и, если-бы мы не имѣли въ своемъ распоряженіи традиціонной литературы Парсовъ, то изъ дошедшихъ до насъ частей Авесты мы не могли-бы составить себѣ опредѣленнаго понятія о «первозданномъ быкѣ» Иранской космогоніи. Этотъ пробѣлъ въ Авестѣ, подобно многимъ другимъ ея пробѣламъ, пополняется сообщеніями Бундегеша— космогоническаго трактата, хотя поздней даты, но драгоцѣннаго тѣмъ, что въ немъ сохранены преданія Авестійской древности.

Gaush aêvôdâtô (въ пехлеви: torâ evakdât) значитъ собственно «быкъ, созданный единымъ», «единый созданный быкъ»: то было первое изъ сотворенныхъ Ормаздомъ живыхъ созданій. Злой духъ Агарманъ напустилъ на этого быка нужду, страданіе, болѣзнь, голодъ и злую *Bûšyâsta*. Быкъ сталъ чахнуть и умеръ. Его душа (*géush urvan*, пехлеви *Goshurun*) вышла изъ его тѣла и, ставъ передъ нимъ, крикнула Ормазду: «Кому это поручилъ ты владычество надъ міромъ, что зло опустошаетъ землю, растенія вянутъ, и вода мутится? Гдѣ тотъ человѣкъ, о которомъ ты сказалъ: я сотворю его, чтобы онъ произносилъ слова спасенія? Ормаздъ возразилъ: ты боленъ, Гошурунъ! Ты бо-

ленъ тою болѣзнью, которую наслалъ на тебя злой духъ. Если бы тотъ человѣкъ могъ быть созданъ теперь, то Агарманъ не причинилъ-бы такого зла». Тогда Гошурунъ отправился въ сферу звѣздъ и жаловался звѣздамъ, отправился въ сферу луны и жаловался лунѣ. Наконецъ Fravaši—духъ хранитель—Зороастра была ему показана, и Ормаздъ сказалъ: я создамъ его (Зороастра), чтобы онъ изрекалъ слова спасенія. Тогда Гошурунъ былъ удовлетворенъ, и взялъ на себя обязанность кормить тварей» [1]).

«Различные миѳы, заключающіеся въ этихъ строкахъ — говоритъ Дж. Дармстетеръ[2])—принадлежатъ къ преданіямъ древности. Въ Авестѣ лунѣ придается эпитетъ *gao-ciθra* «заключающая въ себѣ сѣмя Быка», что указываетъ на подлинность соотвѣтствующаго миѳа въ Бундегешѣ; душа Быка, *géush urvan* величается, подъ именемъ *Drvâspa*, божествомъ—покровителемъ животныхъ (въ 9-мъ Яштѣ), что объясняетъ послѣднія строки приведеннаго мѣста изъ Бундегеша. Наконецъ *gâθ*'ы (гимны),—которыхъ редакція древнѣе редакціи остальныхъ частей Авесты, —знаютъ уже жалобу Быка, и миѳъ о его убіеніи ужъ былъ тогда столь популяренъ, что выраженіе «убить Быка» стало пословицей и значило «дѣйствовать по внушенію злаго духа».

Этотъ древне-иранскій миѳъ о Быкѣ естественнымъ образомъ классифицируется съ тою вѣдійскою концепціею быковъ-самцовъ, въ основѣ которой лежитъ представленіе оплодотворяющихъ силъ природы. Изъ цитированныхъ выше (на стр. 9) мѣстъ Ригъ-Вѣды, въ особенности изъ стиха III, 56, 3, явствуетъ, что и вѣдійская древность, подобно иранской, знала концепцію какого-то «верховнаго Быка»—представителя оплодотворяющаго начала въ природѣ. Дж. Дармстетеръ, усматривая въ концепціи этого индоиранскаго Быка олицетвореніе *тучи*, цитируетъ посвященный Парджаньѣ (божеству грозовой тучи и дождя) гимнъ V, 83, гдѣ Parjanya названъ *vrshabho*—(быкомъ), который reto dadhâty oshadhîshu garbham—«кладетъ въ растенія сѣмя-зародышъ» (ст. 1) [3]). Въ иранской сферѣ указаніемъ

[1]) Bundahis, гл. IV (переводъ Веста).

[2]) Ormazd et Ahriman, стр. 145.

[3]) James Darmesteter, Orm. et Ahr. 150. Стихотворный переводъ этого гимна, въ которомъ видятъ описаніе Монсуна, помѣщенъ у Циммера. Altindisches Leben, стр. 43.

на то, что въ основѣ концепціи Быка лежитъ представленіе оплодотворяющей тучи, является между прочимъ начало 21-й главы Вендидада, гдѣ непосредственно за обращеніемъ къ Быку слѣдуетъ обращеніе къ дождевымъ тучамъ [1]).

«Итакъ—заключаетъ Дж. Дармстетеръ [2])—Быкъ является, подобно горѣ, однимъ изъ образовъ тучи: Быкъ Evakdât есть животное тучи, получившее значеніе космологическое и ставшее первымъ животнымъ, подобно тому какъ *Hara* есть гора тучи, получившая космологическое значеніе и ставшая первой горою».

Я думаю однакоже, что у индоиранцевъ первоначальное миѳическое значеніе этого «Быка» могло быть гораздо сложнѣе и разностороннѣе: онъ могъ изображать не только грозовую тучу съ ея оплодотворяющимъ дождемъ, но также и солнце съ его живительными, оплодотворяющими лучами. Къ этимъ основнымъ значеніямъ примѣшивались, осложняя ихъ, и другіе образы верховнаго самца, напр. образъ того Сомы (Гаомы), чудотворная эссенція котораго таилась, по понятіямъ Арійской древности, и въ капляхъ дождя и въ лучахъ солнца, или-же образъ бога-громовника (вѣдійскій Индра), который, разбивая тучу, проливаетъ на землю потоки благодатныхъ водъ небесъ, наконецъ концепція родственнаго богу-громовнику «Сына водъ» (вѣдійскій Apām-napāt, авест. apâm-napâo), который, представляя собою небеснаго Агни и рождаясь въ водахъ небесныхъ, изображается (II, 35, 13) въ видѣ тельца и въ то-же время быка-самца небесныхъ коровъ (тучъ).

Итакъ, мы должны предположить, что индоиранцы еще въ эпоху ихъ нераздѣльнаго «пра-арійскаго» бытья знали миѳическую концепцію Быка-Самца—представителя оплодотворяющихъ силъ—образъ, подъ которымъ они понимали различныя явленія природы.

Теперь спросимъ себя: какъ образовалась эта концепція? Откуда взятъ этотъ образъ?

Я думаю, что разсматриваемая идея взята изъ культурныхъ отношеній первобытнаго человѣчества, что она имѣетъ «земное», «культурное», «общественное» происхожденіе. По-

---

[1]) James Darmesteter, Orm. et Ahr. стр. 149.

[2]) Ibid. 149.

добно многимъ другимъ религіозно-миѳическимъ воззрѣніямъ древности, она сложилась изъ наблюденій надъ явленіями самой жизни человѣческой и затѣмъ оттуда, изъ этой культурной сферы, перенесена въ сферу явленій природы, гдѣ свойственный отдаленной древности антропоморфизмъ или, если можно такъ выразиться, «культуроморфизмъ» усматривалъ аналогію съ міромъ человѣческимъ. Отношенія людскія были приписаны природѣ, перенесены на небо, приданы солнцу, лунѣ, звѣздамъ, грозѣ, вѣтру, дождю и тучамъ и продолжали тамъ фигурировать втеченіи многихъ вѣковъ послѣ того, какъ на землѣ порядокъ вещей уже давно измѣнился, возникли новыя отношенія, и отъ старыхъ формъ оставались лишь ничтожные элѣды или такъ называемыя переживанія.

V.

Я не имѣю въ виду вдаваться здѣсь въ описаніе той примитивной культуры, когда человѣчество, близкое къ стадному состоянію, для обозначенія своихъ семейныхъ и общественныхъ отношеній употребляло термины характеристичныя для міра животныхъ,—когда напр. слово «самецъ-быкъ» обозначало супруга, героя, владыку. Это была эпоха гетеризма и «материнства», столь талантливо воспроизведенная Бахофеномъ въ его знаменитой книгѣ «Das Mutterrecht». Отсылая читателя къ этой книгѣ, я ограничусь здѣсь разборомъ,—въ дополненіе къ даннымъ, сгруппированнымъ въ моемъ «Опытѣ» на стр. 129—138,—нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Ригъ-Вѣды, въ которыхъ, какъ я думаю, сохранились отголоски значенія слова sūnu «самецъ-герой».

На указанныхъ страницахъ моего «Опыта» я старался показать, что первоначально это слово значило «самецъ», подобно тому какъ *duhitar*—дочь значило «самка». Съ установленіемъ семьи эти значенія были вытѣснены новымъ семазіологическимъ наслоеніемъ, но нѣкоторое время продолжали просвѣчивать сквозь это послѣднее. Сюда принадлежитъ напр. разобранный мною на стр. 135 «Опыта» стихъ IX, 19, 4, гдѣ sūnu употреблено въ значеніи «самецъ». Но помимо такихъ «переживаній», первоначальное значеніе слово *sūnu* было, если можно такъ выразиться, «подогрѣто» новыми культурными наслоеніями, сопутствовавшими установленію семьи и съ тѣмъ вмѣстѣ начинавшемуся перевѣсу мужчинъ надъ женщинами. Эпоха борьбы двухъ половъ длилась въ теченіи ряда вѣковъ и закончилась наконецъ окончательнымъ торжествомъ тѣхъ порядковъ и идей, которыя открываются намъ въ памятникахъ древности, каковы гимны Ригъ-Вѣды, Библія, поэмы Гомера и пр. Всматриваясь въ этотъ бытъ, мы, кромѣ слѣдовъ пережитаго уже гетериз м

и материнства, легко можемъ подслушать мотивы, отражающіе въ себѣ отголоски борьбы двухъ половъ. Къ числу этихъ «мотивовъ» я отношу тѣ столь характерныя для «патріархальной» древности пожеланія, которыя мы встрѣчаемъ весьма часто и въ Библіи и въ Вѣдахъ: это — пожеланія *имѣть какъ можно больше дѣтей мужескаго пола*. Авторы гимновъ Ригъ-Вѣды при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ обращаются къ богамъ съ просьбою даровать имъ мужское потомство. Молитва о сыновьяхъ принадлежитъ къ числу обычныхъ и излюбленныхъ формулъ Ригъ-Вѣды. Иногда въ такихъ случаяхъ къ слову *sūnu* или его эквивалентамъ напр. *tanaya*, *putra* присоединяется эпитетъ *nitya* «собственный», а также «постоянный», «непрекращающійся», а равно и другіе эпитеты, характеризующіе этого сына, какъ будущаго богатыря, владыку, который будетъ могущественъ и увѣковѣчитъ память о предкахъ Приведемъ нѣсколько образцовъ.

III, I, 23: да будетъ у насъ собственный [1]) сынъ—продолжатель рода, о Агни! Да будетъ эта милость твоя намъ!

V, 25, 5: Агни даруетъ благочестивому поклоннику найславнѣйшаго, самого благочестиваго, превосходнаго, непобѣдимаго сына, долженствующаго прославить отца.

I, 64, 14: Достославную, о Маруты, въ битвахъ неодолимую, блестящую мощь щедрымъ (поклонникамъ) даруйте! Стяжающее богатства, славное, знаменитое у всѣхъ людей потомство—поколѣніе да воспитываемъ мы сто зимъ!

I, 92, 13: Заря! Принеси намъ, мощная, то чудное благо, которымъ мы могли-бы стяжать потомство—поколѣніе.

II, 25, 2 (вторая половина):.... и поколѣніе и потомство возрастаетъ у того, кого Brahmaṇaspati беретъ себѣ въ союзники.

VI, 13, 6: Пѣвецъ, сынъ мощи, мощный Агни! потомство —поколѣніе, сильный, дай намъ!...

I, 114, 8: Не нанеси ущерба нашему поколѣнію—потомству, нашимъ людямъ, нашимъ быкамъ, нашимъ конямъ! Нашихъ мужей (героевъ), о гнѣвный Индра, не сразу ты! съ возліяніями всегда взываемъ мы къ тебѣ!

---

[1]) Vijāvan— ἅπαξ λεγ.

VII, 1, 11: Да не сидимъ мы вокругъ тебя, о Агни, въ недостаткѣ мужей, безъ потомства, безъ героевъ!....

Въ этихъ и подобныхъ стихахъ дѣло идетъ о сыновьяхъ, какъ о будущихъ герояхъ и продолжателяхъ рода. Выраженіе suvīrās (им. мн.), столь часто повторяемое авторами гимновъ, —буквально: «изобилующіе хорошими героями» — употребляется часто въ значеніи «изобилующіе сыновьями,—мужскимъ потомствомъ». Вотъ именно благодаря такого рода терминологіи, установившейся въ силу извѣстныхъ культурныхъ отношеній, и было, такъ сказать, *подогрѣто* первобытное значеніе sūnu — «самецъ-богатырь», въ эпоху Ведъ почти совсѣмъ забытое и вытѣсненное значеніемъ «сынъ», которое еще въ эпоху индоевропейскую входило въ понятіе sūnu—какъ одинъ изъ его составныхъ элементовъ.

Вотъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ, какъ мнѣ кажется, просвѣчиваетъ указанное значеніе этого слова (герой).

I, 62, 9: Sanemi sakhyaṃ svapasyamānaḥ sūnuḥ dādhāra çavasā sudaṅsāḥ |āmāsu cid dadhishe pakvam antaḥ payaḥ kṛshṇāsu ruçad rohiṇīshu||—«въ цѣлости поддерживаетъ дружбу (согласіе,—вѣроятно — дня и ночи, о коихъ шла рѣчь въ предшествующемъ стихѣ) чудодѣйственный *sūnu* (своею) мощью—чудотворный.| Ты вѣдь кладешь варенное молоко въ сырыхъ коровъ, свѣтлое—въ темныхъ».

Дѣло идетъ объ Индрѣ, какъ о творцѣ міра или регуляторѣ явленій природы. Въ стихѣ 8-мъ говорится о правильной смѣнѣ дня и ночи: эту гармонію свѣтлой и темной стихіи поддерживаетъ Индра,—тотъ самый Индра, который въ сырыхъ и темныхъ коровъ влагаетъ свѣтлое и парное молоко [1]). Здѣсь Индра названъ «чудотворнымъ» (svapasyamānaḥ, sudaṅsāḥ) *sūnu*, при чемъ о сыновнихъ его отношеніяхъ къ кому либо нѣтъ рѣчи: мнѣ кажется, что sūnu здѣсь не значитъ «сынъ».

III, 1, 12: akro na babhriḥ samithe mahīnāṃ didṛkṣheyaḥ sūnave bhārjīkaḥ| ud isriyā janitā yo jajānāpaṃ garbho nṛtamo yahvo agniḥ || — «Какъ знаменоносецъ(?) при стычкѣ войскъ, достоенъ созерцанія для *sūnu* свѣтлый (Агни),—онъ, который,

[1]) Парное молоко поэты Ведъ называютъ варенымъ и часто играютъ противупоставленіемъ понятій этого «вареннаго молока и «сырой» коровы.

какъ родитель, породилъ зóри, чадо водъ, наймужественнѣйшій, быстрый (или юный) Агни».

Къ сожалѣнію, въ этомъ стихѣ неопредѣлено значеніе слова *akra*, встрѣчающагося въ Р. Вѣдѣ пять разъ. Въ С.-Петербургскомъ словарѣ приведено въ видѣ догадки значеніе *rasch*, *stürmisch*; Грассманнъ пере одитъ *Heerzeichen*, *Banner*, а Людвигъ— *Säule*. Съ тѣмъ вмѣстѣ не ясно значеніе здѣсь терминовъ babhri (несущій) и *mahī* (великая, по Грассману «die weitausgedehnten Schlachtreihen»). Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что здѣсь Агни названъ вожделѣннымъ предметомъ созерцанія для *sūnu*. Спрашивается: кто такой этотъ sūnu? По Людвигу, это сонмъ Марутовъ (вѣтровъ) [1]), по Грассманну это—приносящій жертву поклонникъ Агни, названный его сыномъ. Мнѣ кажется, что здѣсь sūnu значитъ не «сынъ», или не только «сынъ», но также «владыка», «герой», «богатырь». Смыслъ фразы, какъ мнѣ кажется, сводится къ слѣдующему: Агни, божество семейное или родовое, является тѣмъ стягомъ или тѣмъ столпомъ (опорою), подъ защитой котораго подвизается владыка, богатырь — sūnu — семьи или рода. Подобный-же смыслъ, какъ я думаю, имѣетъ фраза стиха I. 127, 5: ad asyāyur grabhaṇavad vīḷu çarma na sūnave... «Вѣдь его (огня) жизненная мощь есть крѣпкій замокъ, какъ-бы защита для *sūnu* (богатыря)». Равнымъ образомъ темный стихъ I, 103, 4 станетъ яснѣе, если мы находящееся въ немъ слово *sūnu* переведемъ «герой»: tad ūcushe mānushemā yugāni kīrtenyam maghavā nāma bibhrat | upaprayan dasyuhatyāya vajrī yad dha sūnuḥ çravase nāma dadhe. — «Тому, кто это изрекъ этимъ людскимъ поколѣніямъ, щедрый (Индра), носящій славное имя, шествуя на убіеніе врага (демона), перунодержецъ (даровалъ?) имя, какое sūnu себѣ стяжалъ для славы». Т. е. Индра, самъ обладатель славнаго имени героя, убійцы демоновъ, даруетъ таковое-же тому, кто прославляетъ его подвиги, кто говоритъ то, что сказано въ первыхъ стихахъ гимна о подвигахъ Индры. Гимнъ I, 103 вообще простъ и ясенъ,

---

[1]) Вотъ переводъ Людвига: «wie eine tragende Säule bei der groszen (waszer) zusammenstosz, er, den zu sehen wünscht (der Prçni) geburt (die Marut), lichtbunt, der als vater auch die Morgen stralen hervorgebracht hat, das kind der gewäszer, der heldenhafteste, jugendliche Agni».

кромѣ стиха 4-го, гдѣ пропущенъ глаголъ—сказуемое главнаго предложенія, а также не совсѣмъ ясно слово ūcushe (причастье Perfecti, возводимое и къ глаголу uc—охотно дѣлать и къ глаголу vac—говорить). Во всякомъ случаѣ въ этомъ стихѣ, при всей его темнотѣ, ясно видно намѣренное противупоставленіе выраженій kīrtenyam maghavā nāma bibhrat и sūnuḥ çravase nāma dadhe: Индра, носящій славное имя, противупоставляется sūnu (герою), пріобрѣтающему имя для славы.

Во всѣхъ мѣстахъ такого рода, гдѣ обычное значеніе слова sūnu—сынъ—не выступаетъ съ несомнѣнной отчетливостью, я склоненъ переводить его терминами «герой», «богатырь», «владыка». Такое значеніе было весьма естественно въ эпоху, когда такъ усердно молились богамъ о ниспосланіи мужскаго потомства, — когда выраженіе suvīra — «обладающій хорошими мужами-богатырями» относилось къ обладанію дѣтьми мужескаго пола, на которыхъ смотрѣли какъ на будущихъ воиновъ и богатырей. Въ подобныя эпохи рожденіе дѣвочки было чуть-ли не несчастьемъ, рожденіе мальчика—величайшимъ благомъ, а самой ужасной местью признавалось избіеніе младенцевъ мужескаго пола.

Если для характеристики того или другаго общественнаго уклада взять во вниманіе отношеніе индивидуума къ обществу и для краткости обозначить это отношеніе терминомъ «общественная стоимость человѣка», то вѣдаическое общество мы опредѣлимъ, какъ такое, въ которомъ общественная стоимость мальчиковъ была весьма высока въ противуположность общественной стоимости дѣвочекъ, которая была весьма низка. Таково-же было и общество, раскрывающееся предъ нами въ древнѣйшихъ частяхъ Библіи и въ поэмахъ Гомера.

Библіотека
Коммерческой
Академіи.